

ВАСИЛИЙ СТАЛИН

«ОТ ОТЦА
НЕ ОТРЕКАЮСЬ!»

ЗАПРЕЩЕННЫЕ

МЕМУАРЫ

СЫНА

ВОЖДЯ

Сокровенные мемуары

Василий Сталин

**«От отца не отрекаюсь!»
Запрещенные
мемуары сына Вождя**

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сталин В. И.

«От отца не отрекаюсь!» Запрещенные мемуары сына Вождя /
В. И. Сталин — «Автор», 2016 — (Сокровенные мемуары)

ISBN 978-5-9955-0847-2

«От отца не отрекаюсь!» – так ответил Василий Сталин на требование Хрущева «осудить культ личности» и «преступления сталинизма». Боевой летчик-истребитель, герой войны, привыкший на фронте смотреть в лицо смерти, Василий Иосифович не струсил, не дрогнул, не «прогнулся» перед новой властью – и заплатил за верность светлой памяти своего отца «тюрьмой и сумой», несправедливым приговором, восемью годами заключения, ссылкой, инвалидностью и безвременной смертью в 40 лет. А поводом для ареста стало его обращение в китайское посольство с информацией об отравлении отца и просьбой о политическом убежище. Вероятно, таким образом эти сенсационные мемуары и оказались в Пекине, где были изданы уже после гибели Василия Сталина. Теперь эта книга наконец возвращается к отечественному читателю. Это – личные дневники «сталинского сокола», принявшего неравный бой за свои идеалы. Это – последняя исповедь любимого сына Вождя, который оказался достоин своего великого отца.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0847-2

© Сталин В. И., 2016
© Автор, 2016

Содержание

От редакции	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Василий Иосифович Сталин
«От отца не отрекаюсь!».
Запрещенные мемуары сына Вождя

© ООО «Яуза-пресс», 2016

От редакции

Вскоре после смерти отца Василий Иосифович Сталин, к тому времени уже уволенный в запас, обратился в посольство Китайской Народной Республики с просьбой о предоставлении политического убежища. Для такой просьбы у сына Вождя были все основания. Он чувствовал, что над его головой сгущаются тучи. Понимал, что люди, которых он открыто обвинял в убийстве отца, не оставят его в покое. Опасения Василия Сталина были не напрасными. 28 апреля 1953 года он был арестован по сфабрикованному обвинению в антисоветской пропаганде и злоупотреблении служебным положением. После «следствия», растянувшегося более чем на два года, Василия Сталина приговорили к восьми годам заключения. Он мог бы смягчить свою участь, вплоть до полного снятия обвинений и восстановления в прежнем статусе, если бы отрекся от своего отца и публично осудил его. Однако Василий отказался это сделать. Как сын, он не мог предать память отца. Как коммунист, он не мог предать Вождя, охаять его великие дела, надругаться над идеалами.

Последняя попытка сломить волю Василия была предпринята в январе 1960 года. Когда стало ясно, что угрозы на Василия не действуют, его было решено подкупить. Василия досрочно освободили (ему оставалось отбывать еще год и три с половиной месяца), привезли в Москву, выделили трехкомнатную квартиру, назначили пенсию. Вскоре после освобождения он был принят Хрущевым. Власть всячески демонстрировала Василию свое расположение, требуя взамен только одного – осудить «преступления» отца, перестать утверждать, что Сталин был отравлен теми, кого он считал своими соратниками. Ничего не вышло. Василий не был способен на предательство. Он снова обратился в посольство КНР с просьбой о предоставлении убежища. За несколько месяцев, проведенных на свободе, Василий Сталин написал потрясающие по своей откровенности мемуары, в которых честно и открыто рассказал о своем великом отце и о своей жизни. Он торопился закончить свой труд, понимая, что может быть арестован в любой момент. Так оно и случилось. 16 апреля 1960 года, когда вопрос о его переброске в Китай уже был решен положительно и отрабатывались заключительные технические детали, Василий Сталин был повторно арестован для отбытия оставшейся части наказания. После освобождения в апреле 1961 года он был отправлен в ссылку в Казань, являвшуюся в те годы городом, закрытым для посещения иностранцами. 19 марта 1962 года Василий Сталин скончался при обстоятельствах, позволявших предположить, что смерть его носила насильственный характер. Следствия не проводилось, во врачебном заключении было сказано, что Василий Иосифович Джугашвили (эта фамилия была указана в паспорте, полученном им в апреле 1961 года) умер от отравления алкоголем.

Незадолго до ареста Василий Сталин успел передать рукопись своих воспоминаний в посольство КНР. При его жизни они не публиковались. Пока Василий был жив, сохранялась надежда на то, что его все же удастся вывезти в Китай тайным путем или добиться от советского правительства разрешения на его официальный выезд. Публикация столь откровенных воспоминаний, содержащих критику тогдашнего советского руководства, вне всяких сомнений, осложнила бы и без того тяжелую участь Василия. Его воспоминания, переведенные на китайский язык, были опубликованы издательством «Жэньминь чубаньпэ» («Народное издательство») в декабре 1962 года под названием: «Честное слово. История Василия Сталина». Предисловие к воспоминаниям Василия Сталина написал маршал Е Цзяньинь, заместитель председателя Национального Совета обороны КНР и президент Академии военных наук КНР. В предисловии говорилось о том, что Василий Сталин был лично знаком с Председателем Мао и пользовался «безграничным доверием и глубоким уважением» последнего. Смерть Василия Сталина Е Цзяньинь охарактеризовал словом, которое можно перевести на русский язык как «возникшая в результате злого умысла». В заключение маршал подчеркнул, что «противоре-

чия, имеющиеся в настоящий момент между КНР и СССР, есть следствие необдуманной политики ренегатов, окопавшихся в Кремле». Эта цитата дает яркое представление об отношениях между двумя социалистическими державами в 1962 году. Незадолго до публикации мемуаров Василия Сталина, осенью 1962 года, Советский Союз поддержал Индию в войне с КНР.

В 1964 году произошел фактически полный разрыв отношений между СССР и КНР, несмотря на то, что формально дипломатические отношения были сохранены. Из КНР были отозваны советские специалисты, помогавшие в строительстве объектов народного хозяйства, а из СССР в срочном порядке уехали доучиваться на родину китайские студенты. Мао Цзэдун распорядился предать забвению все, что было связано с Советским Союзом. Воспоминания Василия Сталина больше не издавались, и само его имя вскоре было забыто в Китае.

В КНР нет закона, обязывающего хранить экземпляры всех выпущенных книг в государственных библиотеках. Поэтому то, что в библиотеке Пекинского университета сохранились воспоминания Василия Сталина, можно считать невероятным везением. Или же еще одним подтверждением неопровержимого торжества правды и справедливости.

Василий Сталин не сомневался в том, что история воздаст всем по заслугам.

Так оно и вышло. История расставляет все по своим местам.

Глава 1

Вместо предисловия

Я, Василий Сталин, от своего отца не отрекаюсь!

Эти слова мне пришлось повторять не раз. И во время следствия, и потом, и во время недавней встречи с Хрущевым.

Я, Василий Сталин, от своего отца не отрекаюсь! И точка!

Осудить «культ личности» и «преступления сталинизма» я не могу. Потому что нечего осуждать. Осуждают преступления и преступников. Я могу осудить тех, кто отравил моего отца и очернил его великие дела. Я могу осудить тех, кто надругался над светлой памятью Вождя. Могу и должен осудить! Это мой долг, не только как сына, но и как честного советского человека.

Моя совесть чиста. Ее невозможно запятнать лживым обвинением. Точно так же как ложью и клеветой нельзя запятнать память моего отца. Он принял из рук Ленина молодую Советскую страну, которой со всех сторон, в том числе и изнутри, угрожали враги, а оставил после себя великое социалистическое государство, окруженное братскими социалистическими странами. Разве это преступление? Этого ли надо стыдиться? О каком культе личности может идти речь? Отец был рулевым, который вел страну к процветанию и победам. За это его уважали. Вот и весь «культ». Слово-то какое мерзкое нашли. «Культ» – это когда поклоны лбом об пол быют. Отца уважали и любили. Это не культ. Это называется – всенародная любовь. Можно памятники убрать, но любовь и уважение из сердец людей не уберешь. Это святое. И это навсегда. Уверен, что через сто лет про Хрущева с Булганиным¹ никто и не вспомнит. А про товарища Сталина будут помнить всегда. Это я не столько как сын говорю, а как советский человек, коммунист, диалектик-материалист.

«Не бойся, что про тебя забудут товарищи, и не надейся, что забудут враги», – говорил отец. Так оно и вышло. Отец ничего никогда не говорил зря. Одна беда, друзей у меня оказалось куда меньше, чем врагов. Причина простая – зависть. Пережитки прошлого за тридцать-сорок лет не искоренить полностью. Тут нужно больше времени. К тому, что мне завидуют, я привык с детства. Только не думал тогда, что зависть может вызвать такую ненависть. Звериную.

Начал писать воспоминания, но не уверен, удастся ли мне их закончить. Я, как Маргулиес из «Времени, вперед», не могу доверять такому простому механизму, как часы, такую драгоценную вещь, как время. Знаю, что времени у меня немного. Может считанные дни, может – месяцы. На годы надеяться не приходится. Не та обстановка². Не те люди вокруг. Преступники, отравившие отца, не оставят в покое сына. И кто бы мне что ни говорил, я никому не верю³. Время показало, кто чего стоит.

Отец знал, что так будет. Он знал, что после его смерти мне придется нелегко. Он отлично разбирался в людях и знал истинную цену каждому человеку из своего окружения. Поэтому и мало кому доверял. По-настоящему, без оглядки.

---

¹ Николай Александрович Булганин (1895–1975) – советский государственный и военный деятель. После смерти Сталина в марте 1953-го возглавил Министерство обороны, одновременно был 1-м заместителем председателя Совета Министров СССР. В 1958 году за участие в т. н. «антипартийной группе Молотова – Кагановича – Маленкова», выступившей против политики Н.С. Хрущева и предпринявшей попытку сместить его с должности Первого секретаря ЦК КПСС, был изгнан из рядов руководства СССР.

² Воспоминания были написаны Василием Сталиным в период с января по апрель 1960 года, в промежутке между досрочным освобождением из заключения и новым арестом. (Здесь и далее примечания редактора.)

³ Вероятно, намек на Н.С. Хрущева, встреча Василия с которым состоялась в январе 1960 г.

За десять месяцев до своей смерти отец предложил мне исчезнуть. «Тебе надо уехать», – сказал он. Я сначала подумал, что речь идет о какой-то командировке, но оказалось, что я неправильно понял. Отец имел в виду, что мне надо уехать за границу, в Китай. Навсегда. «Поедешь военным советником, летчики там нужны. Сюда не возвращайся, даже на мои походы не приезжай», – сказал он. Я ушам своим не поверил – что такое? Подумал, что отец шутит. Он иногда мог пошутить так, что не поймешь, шутка это или нет. Но оказалось, что он не шутил. На самом деле хотел отправить меня к Мао. Прямо не сказал, но я догадался, что он уже договорился насчет меня. Там меня ждали. Но разве мог я оставить отца? Я отказался. Между нами произошел спор. Первый настоящий спор в нашей жизни. Каждый стоял на своем и не хотел уступать. «Будет приказ и поедешь!» – сказал отец, когда понял, что угрозы на меня не действуют. Я ответил, что все равно никуда не уеду. Про себя подумал, что потом, когда отца не станет, может, и придется уехать, но сейчас – нет. Сказал, что если будет приказ, то подам рапорт об отставке. Пускай на завод пойду, к станку, но никуда не уеду. Как в воду глядел, вскоре пришлось стать к станку. Но не на заводе, а в тюрьме. И еще сказал отцу, что как Верховный Главнокомандующий он может мне приказать уехать, но как отец не может. Странное впечатление осталось от этого разговора. По глазам отца было заметно, что мое упорство пришлось ему по душе. Но и сердился он всерьез. Отец не привык, чтобы его приказы оспаривались. Он советовался с товарищами, не решал все вопросы единолично, как это пытаются представить сейчас. Но обсуждать и приказывать – разные вещи. Если уж отец приказывал, то изволь выполнять. Приказ есть приказ.

Больше отец о моем отъезде не заговаривал. Но с того дня, как мне поначалу показалось, стал ко мне еще строже, чем был. Так мне казалось тогда. Я очень переживал, потому что дорожил расположением отца. Ближе его у меня никого не было и не будет. Тот разговор имел продолжение. Во время воздушного парада на Тушинском аэродроме⁴ главком ВВС Жигарев⁵ начал упрекать меня в том, что 1 мая по моей вине разбилось два Ила⁶. Низкая облачность, ограниченная видимость, нельзя было летать⁷. Я ответил, что в войну приходилось летать и не в таких условиях. И напомнил, что сам я был в тот день в небе, а не на трибуне. Вокруг заулыбались. Жигареву нечего было на это ответить. В авиации от мастерства пилота зависит больше, чем от погоды. На банкет, который был после парада, я сперва идти не хотел, собиравшись отметить праздник в кругу самых близких друзей. Дружбу я ценил и ценю больше всего. Но мне передали приказ отца – непременно явиться. Как командующему ВВС Московского округа мне полагалось присутствовать. Увидев меня, Жигарев громко, так чтобы слышали все, сказал, что сегодня парад прошел хорошо, потому что погода была летная. Вроде бы так все и было, но сказал он с намеком. Глядел на меня и ухмылялся. Мне бы смолчать, но я ответил. Резко и тоже громко. Поддался на провокацию, нарушил субординацию. Как командующий ВВС округа, я не имел права грубить главкому ВВС. Тем более – принародно. Жигарев растерялся. Он молчал и смотрел то на меня, то на отца. Отец рассердился и велел мне уйти. Сначала позвал, а потом выгнал. Вечером, после банкета, я попытался увидеться с ним, но меня не пустили. Власика⁸ к тому времени уже не было, вместо него заправлял всем генерал Рясной⁹.

⁴ 27 июля 1952 года.

⁵ Павел Федорович Жигарев (1900–1963) – советский военачальник, Главный маршал авиации (1955). В 1949–1959 гг. главнокомандующий Военно-воздушными силами.

⁶ Самолет Ил-28.

⁷ Организацией и проведением воздушного парада 1 мая 1952 года руководил генерал-лейтенант авиации, командующий ВВС Московского военного округа Василий Сталин.

⁸ Николай Сидорович Власик (1896–1967) – начальник охраны И.В. Сталина (1931–1952). Генерал-лейтенант (1945). В мае 1952 г. был снят с должности начальника охраны по распоряжению Сталина, а в декабре того же года арестован по т. н. «делу врачей». Уже после смерти Сталина, в январе 1955 г., Военной Коллегией Верховного Суда СССР Власик был приговорен к 10 годам ссылки. В мае 1956 г. был помилован Президиумом Верховного Совета СССР.

⁹ Василий Степанович Рясной (1904–1995) – генерал-лейтенант (1945). В 1952 г. заместитель министра госбезопасности

С Власиком у меня отношения были сложные, мы друг дружку недолюбливали. Но Власик дал бы мне возможность поговорить с отцом. Он понимал, что к чему, и был предан отцу. А Рясной меня не пустил. Позже я понял, что Власика оклеветали и отстранили намеренно. Его убрали, чтобы он не помешал отравить отца. Сначала послали к черту на рога, на Урал, с понижением, а через полгода арестовали. Так все устроили, что отец поверил. Точно так же поступили и с Поскребышевым¹⁰.

Было очень обидно. Сначала отец прогнал меня с банкета, теперь видеть не хочет. Дело кончилось снятием с должности командующего ВВС Московского округа и выведением в распоряжение Жигарева. Тот направил меня в академию Генштаба. Это было унижение. Чему меня там могли научить? По возрасту я подходил в слушатели, но по опыту сам мог преподавать. Я не люблю бесполезных действий, поэтому в академии появлялся нечасто. И с отцом с тех пор виделся всего несколько раз. Точно не помню сколько. Он задавал обычные вопросы, но того, что произошло, не касался. Я тоже не говорил об этом. Такой между нами сложился молчаливый уговор. Тогда я обижался, крепко. Несправедливость всегда обидна. Да, я нарушил субординацию, нагрубил главкому, но за такое полагался выговор. На худой конец – понижение в должности. Не скрою – обида была большой. И только потом, в тюрьме, я понял, что таким образом отец пытался уберечь меня от неприятностей. Он намеренно убрал меня в тень, надеясь, что после его смерти обо мне забудут. Не было бы стычки с Жигаревым, нашелся бы другой повод. Но сейчас, после того как многое передумал, не исключая, что Жигарев мог провоцировать меня по приказу отца. До того случая между нами были ровные отношения. Жигарев несколько раз говорил, что видит во мне преемника, делился опытом. Опыт у него был большой. Никак иначе я поведение отца объяснить не могу. Обычно если он бывал мной недоволен, то не раз возвращался к этой теме. Ему было важно, чтобы я осознал ошибку и больше не допускал. Отец считал, что любой человек может ошибиться. Важно, как он себя ведет потом. Осознает и пытается исправить или упорствует. Жигарев, кстати, в 42-м из главкомов «слетел» в командующие ВВС Дальневосточного фронта после того, как явился к отцу в пьяном виде. Но осознал, сделал выводы и после войны снова стал главкомом. Одни утверждали, что это я поспособствовал снятию Жигарева (это и в ходе следствия прозвучало), другие, наоборот, – что помог вернуться в главкомы, но и те, и другие врут. Я никогда не «подсказывал» отцу каких-то решений. Он бы этого не потерпел. Мнение свое я мог высказать, но не по кадровым вопросам. По кадровым вопросам отец со мной никогда не советовался. Я был для этого слишком молод, и опыта у меня не доставало для того, чтобы давать ему советы.

Ошибки мои отец обсуждал со мной, следил, как менялось мое отношение к тому, что я сделал. А вот про стычку с Жигаревым отец никогда не заговаривал. Извиниться перед главкомом он мне тоже не приказал. Все это наводит на размышления. Отец многое предвидел. Много, но не все. Того, что его отравят, он предвидеть не мог. Мы виделись с ним незадолго до его смерти, в начале февраля 1953 года. Меня удивило, что при нашем разговоре присутствовал тот, кто заменил Поскребышева, не помню его фамилии. Обычно при наших встречах чье-то присутствие требовалось только тогда, когда они носили деловой характер. Я даже

и временно исполняющий обязанности заместителя начальника Управления охраны МГБ СССР.

¹⁰ Александр Николаевич Поскребышев (1891–1965) – в 1928–1952 гг. заведующий особым сектором ЦК (Секретариатом Сталина), ближайший помощник и личный секретарь Вождя. Генерал-майор. В 1953 году, незадолго до смерти Сталина, Поскребышев был обвинен в утере важных государственных документов и отстранен от работы. Главный маршал авиации Александр Голованов писал в своих воспоминаниях о Поскребышеве: «Александр Николаевич был очень простым и общительным человеком, но в то же время в делах был нем как рыба. Спустя годы много положил Хрущев изворотливости и всяких приемов, дабы выведать у Поскребышева все о Сталине. Как говорят, и кнутом, и пряником... Но ответ всегда был один: «Вы были членом Политбюро, а я был лишь членом ЦК. Откуда мне знать больше вас? Я в заседаниях Политбюро участия не принимал, а, как вы знаете, все вопросы решались там». Вот и все. Так и умер Александр Николаевич, унеся с собой в могилу то, что знал об истинном лице Сталина, о котором он мог бы, конечно, рассказать очень много...» Голованов А.Е. «Дальняя бомбардировочная...». М.: Дельта НБ, 2004.

подумал, что моя опала закончилась и сейчас я получу новое назначение. Но никакого назначения я не получил. Меня попытались отправить в ПриВО¹¹ уже после смерти отца. Булганин швырнул мне назначение, как кость собаке. Я отказался, потому что хорошо понимал, чем это закончится. Дадут поработать пару недель, а потом арестуют. Нужно было сплавить меня из Москвы и создать повод для ареста. Булганин кричал на меня, топал ногами. Совсем другой человек, как будто совсем недавно не стоял навтыжку перед отцом. Я понимал, что каждое неосторожное слово может мне дорого обойтись, поэтому сдерживал себя. Но когда Булганин обозвал меня «принцем», не выдержал и в ответ обозвал его «сантехником». Это прозвище придумал Булганину Берия, причем называл так в глаза. Булганина корежило от злости. Точно так же корежило меня, когда я слышал «принц», «царевич» или еще что-то в этом роде. В школе я за «царевича» давал в морду, когда повзрослел, кулаки в ход пускать перестал. Просто отвечал оскорблением на оскорбление. Мог бы еще напомнить, сколько добра я сделал его сыну Левке¹², моему товарищу. Благодаря мне Левка получил орден Отечественной войны 1-й степени. Когда вскоре после войны он спьяну устроил аварию, в которой погибло два человека, я помог замять это дело. Понимал, что Левка не нарочно, что со всяким может случиться. Булганин-папаша в то время как видел меня, так издали начинал кланяться. Совсем как дворянский какой-нибудь. А тут голос повысил, ножками топал, щечки раздувал. Тьфу!

По тому, как вел себя со мной Булганин, я понял, что хорошего ждать нечего. Отец был прав, он все знал наперед. Я попытался последовать его совету. Обратился к китайским товарищам, встретился с послом, но толком ничего не успел сделать. Вскоре меня арестовали. Арест не стал для меня неожиданностью. Я ожидал, что меня арестуют на следующий же день после увольнения в запас, но еще месяц проходил на свободе. Непонятно почему. То ли не могли решить, что со мной делать, то ли еще что. Мои слова о том, что отца отравили и что не смогли организовать его похороны, расценили как «антисоветскую пропаганду». То, что я отказался от нового назначения, не спасло меня от обвинений в «злоупотреблении служебным положением». Следователи просеяли сквозь мелкое сито всю мою службу на посту командующего ВВС МВО¹³ и нашли столько всего, что и на десять дел бы хватило. Двадцать миллионов ущерба нашли! Кроме меня, арестовали еще десяток человек: моего заместителя генерал-майора Василькевича, моего заместителя по тылу генерал-майора Теренченко, моего начальника секретариата подполковника Полянского, адъютантов подполковника Дагаева, майора Капелькина, майора Степаняна, моего начальника отдела физподготовки полковника Соколова, моего начальника АХО подполковника Косабиева, двоих моих шоферов и парикмахершу из штаба. Но посадили в итоге одного меня, остальных амнистировали или просто дела позакрывали. Припомнили мне и поход в китайское посольство, назвав его «намерением встретиться с иностранными корреспондентами». Следствие тянулось бесконечно и каждый день приносил новые «доказательства». Я был готов к тому, что меня приговорят к высшей мере, но приговор оказался неожиданно «мягким» – восемь лет. Я писал письма, в которых просил объективно разобраться в моем деле, но это мне не помогло. Некоторые письма мне предлагали написать сами следователи. «Мы – люди военные, и наше дело исполнять приказы, – говорили они. – Изложите ваши возражения, мы их передадим по назначению». Я излагал, думая, что они поступают так по велению совести и из уважения к памяти моего отца. Впоследствии оказалось, что дело обстояло иначе. Мои письма были нужны не ради восстановления справедливости. Они тешили самолюбие тех, кому были адресованы. Они считали, что если я обращаюсь к ним с просьбами, то, значит, я сломлен. Никакую справедливость никто восстанавливать не собирался, особенно после того, как память моего отца, его великие дела, его честь комму-

¹¹ Приволжский военный округ.

¹² Лев Николаевич Булганин (1925–1975), военный летчик, впоследствии – дипломат, друг Василия Сталина.

¹³ Московского военного округа.

ниста были растоптаны с трибуны партийного съезда. Несмотря ни на что, несмотря на мое «исключение» из партии, я считал, считаю и всегда буду считать себя коммунистом. И мне стыдно за тех, кто голосовал на съезде за осуждение «культа личности». Те, кого отец считал своими соратниками, свалили все свои ошибки на него и приписали себе все его достижения. Я пишу об этом открыто, потому что знаю, что мои записи не попадут в те руки, в которые им не следует попадать. В тюрьме я научился конспирации. Я постараюсь как можно скорее закончить свой скромный труд. Чувствую, что времени у меня не так уж и много, а осуществить задуманное в тюрьме невозможно. Там можно спрятать письмо, но не тетрадь. Тем более что мне там вообще ничего не удавалось прятать. Меня обыскивали почти ежедневно. Редко какой день проходил без обыска. Сейчас я должен использовать представившуюся возможность и рассказать правду о себе. Старые связи помогут мне передать мои записи туда, где их если не опубликуют, то хотя бы сохраняют для будущих поколений. Правда всегда торжествует, учил отец. Я это помню, в отличие от сестры.

Сестра удивила меня несказанно. Прежде всего тем, что за все время моего заключения не написала ни строчки и ни разу не приехала на свидание. Я такого не ожидал. Но еще больше не ожидал того, что она откажется от отца, предаст его память, согласится с клеветниками. Те, кто хочет оправдать сестру, говорят, что ее заставили это сделать. Не верю. Почему меня не смогли заставить? Характер у сестры несговорчивый, прямо скажем – тяжелый. Ее невозможно заставить сделать то, чего она не хочет. Даже отцу этого не удавалось. Он не раз возмущался ее своеобразием, а я ее защищал. Иногда пытался вразумить на правах старшего брата, но бесполезно. Но я никогда не перегибал палку, потому что дорожил нашей дружбой. Я считал сестру своим другом. Дружья бывают разные. У некоторых тяжелый характер, но они все равно друзья. Другу, брату, сестре можно простить очень многое. Все, кроме предательства. Человек, способный предать память покойного отца и живого брата, перестает для меня существовать. Я не в обиде, просто считаю, что у меня нет сестры. Пусть живет как хочет. Как сможет. Ее совесть будет ей судьей. Совесть – самый строгий судья. Мне не раз довелось видеть, как люди кончали с собой, не вынеся мук совести. Пусть я провел в заключении семь лет, но совесть моя чиста.

Отец любил всех своих детей – сестру, меня, брата Яшу. Сестра была самой младшей, к тому же девочкой, поэтому ее сильно баловали. Все, не только отец. С меня и Яши спрос был строже. Но это не означало, что отец любил нас меньше. Родительская любовь в его понимании заключалась в том, чтобы вырастить детей честными, достойными людьми. Он строго спрашивал, но всегда помогал советом. При всей его занятости отец находил время для нас. Он всегда был в курсе того, что с нами происходило. Искренне переживая за нас, отец избегал слишком сильно диктовать нам свою волю. Последнее слово в принятии любого решения оставалось за нами. Так он приучал нас нести ответственность за свои поступки. Возможно, сыграл свою роль и поступок брата Яши, который в юности стрелялся из-за того, что отец был против его ранней женитьбы. Отец очень сильно рассердился на Яшу из-за этого поступка. Тут сразу многое сложилось. Сама попытка самоубийства, которую отец называл «мелкобуржуазной истерикой», попытка настоять на своем, не останавливаясь ни перед чем, легкомыслие и др. Но со временем отношения восстановились. Яша был хорошим человеком, только очень вспыльчивым. Отец в шутку говорил, что один сын у него грузин, а другой русский. Грузином был вспыльчивый Яша, а русским я. По сути это верно. Яков родился в Грузии, долгое время жил там, знал язык, традиции. А я родился и вырос в Москве, по-грузински знаю несколько слов и чувствую себя русским, точнее, советским человеком.

Я – советский человек. И этим все сказано. То, что в моем деле значится позорная статья 58–10¹⁴, на самом деле ничего не значит. Я хочу рассказать правду о себе. Не оправдаться, а рассказать правду – это разные вещи. Оправдывается тот, кто виноват, а я не считаю себя

¹⁴ Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти.

виновным. Ни в чем. Ошибки я совершал, все совершают ошибки, но против Советской власти не выступал и государственных денег не присваивал. Злоупотребление служебным положением такой же навет, как и антисоветская пропаганда. Спортивные залы я строил на средства, предназначенные на боевую подготовку, вот как. А разве занятия физкультурой не часть боевой подготовки?

Семи лет, проведенных в заключении, я касаться не стану, потому что в них нет ничего необычного. Сидел, как все. Работал. Ждал освобождения. До какого-то момента надеялся на то, что справедливость восторжествует, потом перестал надеяться. На здоровье моем эти семь лет тоже сказались. Не могли не сказаться. Тюрьма не санаторий.

Сейчас мне дали путевку в Кисловодск на целых три месяца и 30 тысяч рублей в придачу! Неслыханная щедрость, но разве можно поправить за три месяца то, что потерял за семь лет? Я не верю в то, что отношение ко мне изменилось. Оно осталось таким же, как прежде. И лучшим свидетельством является моя нынешняя квартира. Три пустые комнаты, только в одной стоит кровать, стол и тумбочка. Не могу понять, что это. Издевательство или какая-то неведомая мне игра? Чего от меня хотят? К чему меня подталкивают? Не знаю. Знаю одно – долго это не продлится. Чувствую. Интуиция подсказывает. У летчиков интуиция хорошо развита, а семь лет за решеткой развивают ее еще лучше.

Рассказывать о себе начну с 42-го года, потому что до этого вся моя биография уместится в две строчки. Родился, окончил школу, поступил в авиационную школу, окончил, началась служба. Ничего особенного, все как у других. Скажу только, что летать мне нравилось. В небе я себя чувствую как рыба в воде. Отца мой выбор немного удивил. Почему именно авиация? Нет ли здесь мальчишества, следования моде? Авиация – самый новый, самый «модный» род войск. Романтика тоже присутствует, не без этого. Отец спросил, понимаю ли я, сколько труда вложено в каждый самолет. Понимаю ли я, что придется отвечать не только за себя, но и за доверенную мне машину? Я ответил, что все понимаю, на том разговор и закончился. Ворошилов¹⁵ шутил, что если летчика из меня не выйдет, то уж в кавалеристы как-нибудь сгожусь. Но я знал, что выйдет из меня летчик. Еще не летал ни разу, а уже знал. Такое было у меня сильное призвание.

---

¹⁵ Климент Ефремович Ворошилов (1881–1969) – революционер, советский военачальник, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны, один из первых Маршалов Советского Союза. С 1925 г. нарком по военным и морским делам, в 1934–1940 гг. нарком обороны СССР. В 1953–1960 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Глава 2

Начало войны

Брат Яша пропал без вести в самом начале войны¹⁶. Отец сильно переживал по этому поводу, хоть и старался не выказывать своих переживаний. Я с первого дня войны считал, что мое место на передовой. Подавал рапорт за рапортом, но безуспешно. Стыдно мне было. Страна воюет, все товарищи бьют врага, а я околачиваюсь в тылу. Особенно невмоготу стало, когда в Куйбышеве¹⁷ встретился с Артемом¹⁸, который был ранен, попал в окружение, с боями пробивался к своим и теперь поправлялся после ранения. Слушая его рассказы о войне, я сгорал со стыда. На каком-то рапорте мне стала ясна бесполезность их написания. Командующий ВВС (им тогда был Жигарев) ничего здесь решить не мог. Надо было говорить с отцом.

14 октября 1941 года у нас с Галей¹⁹ родился сын Саша, мой первенец. Рождение детей всегда радость, а во время войны особенно. Это подтверждает, что, несмотря ни на что, жизнь продолжается, внушает надежду, укрепляют веру в победу. К тому времени шапкозакидательские настроения успели исчезнуть. Всем стало ясно, что враг силен и война будет долгой. Осень сорок первого года была самым тяжелым периодом войны. Враг подошел к Москве, захватил Калугу, Харьков, Крым... Все наши²⁰ эвакуировались в Куйбышев, но отец оставался в Москве. Я знал, что он из Москвы не уедет. Он не мог уехать. Все знали, что Сталин в Москве, и это знание придавало нашим войскам силы, а врагу внушало страх. Раз Сталин в Москве, значит, Москву не сдадут! Ноябрьский парад 1941 года состоялся по настоянию отца. На мой взгляд, это была одна из наиболее гениальных стратегических идей. В Москве парад, на трибуне Мавзолея Сталин, мы непобедимы! Все парады имели политическое значение, но этот особенно.

«Бывали дни, когда наша страна находилась в еще более тяжелом положении, – говорил отец. – Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находились тогда в руках иностранных интервентов. Четырнадцать государств наседали тогда на нашу страну. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы. Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?» Я запомнил эти слова наизусть. Повторял их чуть ли не каждый день во время войны.

Вскоре после парада состоялся мой первый разговор с отцом относительно фронта. Я в то время был начальником инспекции ВВС. На эту должность я перешел в сентябре с должности инспектора-летчика Управления ВВС. Должности назывались по-разному, но суть их была одна. Инспектор, тыловик, штабная душа. Может, кому-то такая служба пришлась бы по

---

¹⁶ Командир 6-й артиллерийской батареи 14-го гаубичного полка 14-й танковой дивизии 7-го мехкорпуса 20-й армии старший лейтенант Яков Джугашвили попал в плен 16 июля 1941 года при выходе из окружения возле города Лиезна (ныне находящегося в Республике Беларусь). 14 апреля 1943 года Яков Джугашвили погиб в концентрационном лагере Заксенхаузен.

¹⁷ Куйбышев, ныне Самара, считался резервной столицей СССР. В октябре – ноябре 1941 г. туда было эвакуировано из Москвы советское правительство, аппарат ЦК ВКП(б) и 22 иностранные миссии.

¹⁸ Артем Федорович Сергеев (1921–2008) – генерал-майор артиллерии, один из основателей зенитных ракетных войск СССР, приемный сын И.В. Сталина, друг детства Василия. Отец Артема, революционер Федор Андреевич Сергеев, известный под подпольной кличкой Артем, бывший соратником Сталина, погиб 21 июля 1921 года в катастрофе железнодорожного аэровагона инженера В.И. Абаковского на железной дороге Москва – Тула.

¹⁹ Первая жена Василия Сталина Галина Александровна Бурдонская (1921–1990). Их брак был зарегистрирован в 1940 году и продлился по 1944 год, но официально развод оформлен так и не был. У Василия и Галины было двое детей – сын Александр (1941 г.р.) и дочь Надежда (1943 г.р.).

²⁰ Имеются в виду члены семьи И.В. Сталина.

душе, но не мне. Я по натуре не штабист, а летчик. Даже став командующим ВВС Московского округа, я, прежде всего, оставался летчиком.

Разговора не получилось. Отец был не в духе. Он не дослушал меня. Сказал, что каждый должен служить там, куда его поставили партия и командование. Сказано это было таким тоном, что не поспоришь. Пришлось подчиниться, однако я пошел на хитрость. Нашел лазейку, выход. По роду службы мне часто приходилось выезжать на передовую в командировки. Главным образом для переформирования полков. Бои шли такие, что часто за одну-две недели полки теряли до половины личного состава, а то и больше. Приходилось снимать их с передовой, отводить в тыл, пополнять, возвращать на передовую. К тому времени возникала необходимость пополнения того полка, который был поставлен взамен отведенного. Такая вот «чехарда». Должен признать, что моя фамилия помогала мне решать сложные вопросы. Главным образом то были вопросы с транспортом и снабжением. Достаточно было сказать в трубку: «С вами говорит Василий Сталин!» – как неразрешимое сразу же становилось разрешимым. Если я когда и злоупотреблял своей фамилией, то только таким образом. В театре, или, скажем, в ресторане, или где-то еще в личных целях я себе такого никогда не позволял. Не так был воспитан. Другое дело, что меня узнавали и сами шли навстречу, но и тут я старался не «злоупотреблять». Всегда помнил слова отца о том, что привилегий у нас с сестрой столько же, сколько у любого советского человека, а вот ответственности гораздо больше. Отец был очень щепетилен и строг на этот счет. Если он узнавал о недостойном поведении детей кого-то из руководства, то непременно следовало строгое внушение. Зачастую – с оргвыводами. Он считал так – если человек не может в своей семье навести порядок, научить правильному поведению своих детей, то разве можно доверять ему руководить другими?

Поблажек отец мне не делал. Расскажу один случай. Когда я прибыл в авиашколу, начальник школы выделил мне отдельную комнату в гостевом доме. Я об этом не просил и не рассчитывал на такое к себе отношение. То была его личная инициатива. Я попал в неловкое положение. С одной стороны, все курсанты живут в казармах, значит, и мое место там. С другой стороны, нельзя отказываться от проявленного гостеприимства. Я хоть и совсем обрусевший грузин, но кавказские традиции чту. В том числе и закон гостеприимства. Может, человек от души предложил, без всякой задней мысли. Отказаться – обидишь. Опять же, я курсант, а он начальник, комдив²¹. Не стоит начинать знакомство с начальством с возражений и споров. Я принял дипломатичное решение. Решил так – поживу в этом гостевом доме пару деньков, а затем скажу, что мне неловко выглядеть белой вороной и переберусь в казарму. Так и сделал, но потом мне влетело от отца за то, что я первые дни жил «на особом положении». Тут, конечно, я сам виноват – допустил оплошность. Точнее, не одну, а несколько. Поспорил со старшиной группы, катался по территории школы на мотоцикле, совершенно не к месту начал рассказывать в столовой о грузинских блюдах, которые пробовал дома. Узнав обо всем этом, отец позвонил тогдашнему командующему ВВС Локтионову²² и потребовал, чтобы тот приказал начальнику авиашколы относиться ко мне точно так же, как и к остальным курсантам. И мне написал резкое письмо. В конце была приписка, сохранить это письмо и перечитывать всякий раз, когда я начну зазнаваться. Я так и сделал. Хранил это письмо отца в моем личном архиве, который исчез после моего ареста.

²¹ Комдив – персональное воинское звание лиц высшего командного состава РККА с 22.09.1935 по 7.05.1940. Аналогично званию генерал-лейтенант.

²² Александр Дмитриевич Локтионов (1893–1941) – советский военачальник, генерал-полковник (1940). Начальник Управления ВВС РККА и заместитель Народного комиссара обороны СССР по авиации в 1937–1940 гг. Арестован 19 июня 1941 г. по обвинению во вредительстве и участии в военном заговоре. Расстрелян 28 октября 1941 г. с группой других генералов без суда на основании предписания Л.П. Берии.

Так вот, про выход, который я нашел, чтобы воевать. Во время пребывания на передовой я начал совершать боевые вылеты. По моей должности у меня было такое право, и я им с радостью пользовался.

Во время следствия я узнал, что меня якобы прикрывали во время боев две истребительные эскадрильи. Тридцать машин! Что это за бой, если тебя прикрывают тридцать машин? Тут одно из двух. Если этими тридцатью машинами управляют асы, то тебе и повоевать не дадут, собьют всех на подходе. Если же летчики так себе, то они не столько прикроют, сколько будут мешать. Но следователи были далеки от летного дела. Они и своего-то толком не знали. Рас-тянули следствие на два с лишним года, хотя могли обстрелять и за неделю. Но понимаю – им надо было показать кропотливую работу и выявить как можно больше «соучастников». Слухи про меня ходили разные. Друзья пересказывали их мне вместо анекдотов. Но я никогда бы не подумал, что слухи можно пришить к делу.

Как ни прикрывай, хоть десятью эскадрильями, риск есть всегда. Авиация. Мой друг Ваня Клещев²³ был асом из асов. Мог вступить в бой с пятью самолетами противника и победить. На личном счету Ваня имел тридцать два вражеских самолета, хотя скромно считал, что их двадцать пять! Семь Ваня «отдал» друзьям, хотя на самом деле сбил их он. По принятым в авиации правилам, если самолет после твоей атаки потерял управление, он считается за тобой. Пусть его кто-то другой добьет, это не важно. Важно, кто вывел самолет из строя. Можно и не добивать – сам рухнет. Это по правилам. Но по-товарищески не надо жадничать. Один подбил, другой добил – считай, сбили группой. Дело-то общее делаем, врага бьем. В авиации не любят тех, кто гонится за личными показателями. Таких нигде не любят. Так вот, Ваня был асом, а погиб по нелепой случайности. Не в бою, а в тылу, во время перелета. Садился в снегопад и не смог выровнять самолет. Я знаю по собственному опыту, что такое посадка в сильный снегопад. Все белым-бело. Не видишь толком землю. Не чувствуешь высоту. Вроде бы пора, ан нет – рано. При посадке малейшее колебание чревато гибелью. У одного писателя я вычитал очень умное замечание – менять решение при посадке – все равно что пригласить друзей на свои похороны. Так оно и есть. Ване было двадцать четыре года. Летчики долго не живут. Это я к тому, что если бы отец хотел бы обезопасить меня, то меня к самолетам и близко бы не подпускали. В воздухе, как ни прикрывай, – риск. Но разве отец мог так поступить? У Микояна сыновья воюют, сын Ворошилова воюет²⁴, а Василий чем хуже? Отец был смелым, мужественным человеком, этого даже злопыхатели не оспаривают. И от нас он требовал того же – ничего не бояться. «Я боюсь» у нас даже для красного словца не говорилось. Трус – одно из самых тяжелых обвинений. Хуже него только «предатель».

Был такой случай. В Куйбышеве, в ресторане, один мой приятель ляпнул, якобы отец не пускает меня на фронт, потому что с него довольно и одного пленного, то есть брата Якова. Сказано это было при людях, спьяну. Я дал ему по физиономии, чтобы привести в чувство, и попросил всех, кто был за столом, не болтать о том, что случилось.

Я пишу все как есть. Что помню, что было, то и пишу. Если только с хорошей стороны себя показывать, никто не поверит. Я себя показываю таким, каков я есть. Без прикрас. О том, чего стыжусь, тоже буду писать. Откровенно. Раз уж был такой факт в биографии, то никуда не денешься.

До того случая, о котором я хочу рассказать, у меня состоялся еще один разговор с отцом по поводу фронта. Я сказал, что заниматься бумажной работой мне тошно, что от бумажек у

---

²³ Иван Иванович Клещев (1918–1942) – летчик-истребитель, майор, участник Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (1942). Погиб 31 декабря 1942 года при посадке на аэродром Рассказово (Тамбовская область) в неблагоприятных метеоусловиях.

²⁴ Речь идет о Тимуре Михайловиче Фрунзе (1923–1942), сыне революционера и военачальника М. В. Фрунзе, летчике-истребителе, лейтенанте, участнике Великой Отечественной войны. Оставшись сиротой, Тимур был усыновлен К.Е. Ворошиловым.

меня голова трещит. Хочу воевать – и точка! Хочу бить врага каждый день, а не от случая к случаю. Отец не отказал. Спросил только, справлюсь ли я с командованием полком. Вопрос был правильным. Не всякий инспектор сможет командовать полком. Не каждый штабист годится в боевые командиры. Мне в вопросе почуялся подвох. Уж, думаю, не скромность ли мою он испытывает? Скажу сейчас, что справлюсь, а отец решит, что я меньше чем на полк не согласен. Да мне хоть эскадрилей! Хоть звеном! Лишь бы на фронт! Чтобы свои собственные боевые задачи выполнять, а не другим помогать сбоку припеку. «А ты, оказывается, собственник!» – сказал отец в шутку. Он в годы войны редко шутил, раза два на моей памяти. Неподходящее было время для шуток.

Так вот. Наши кинематографисты решили снять картину о боевых летчиках. Обратились ко мне, попросили показать и рассказать. Кино – это важно, даже на войне. Я нашел время. С женой одного из режиссеров у меня был небольшой роман²⁵. Война, жена Галя далеко, мне двадцать два года, жена режиссера красавица. Я не оправдываюсь. Я просто перечисляю причины, поспособствовавшие этому роману. Роман продлился около недели, но имел весьма важные для меня последствия. Режиссер написал письмо отцу. Отцу многие писали письма, по самым разным поводам. Все он их прочесть сам не мог. Основную массу читали в секретариате и передавали отцу самые важные. Но если человек был известный или лично знакомый, то письма читал отец. Режиссер, на мой взгляд, поступил странно. Я понимаю, что мой поступок его возмутил. Кому приятно? Я и сам бы на его месте возмутился бы. Но я не стал бы жаловаться отцу того человека, чье поведение меня возмутило. Высказал бы все, что думаю, ему в лицо. Не исключаю, что мог бы и руку приложить. На руку я скор, есть такой недостаток. Грузинская кровь. Взрослые люди, не дети. Они разбираются между собой сами, не привлекая родителей. Опять же – идет война. У отца очень много дел. Он тогда на сон еле-еле три-четыре часа выкраивал, я знаю. И в эту трудную пору лезть к нему с такими мелочами? Ладно, признаю – нехорошо я поступил. Роман на стороне с замужней женщиной – это двойная ошибка. Непременно хочешь на меня пожаловаться? Так напиши моему начальству. Зачем же сразу товарищу Сталину? Но это я так считаю. У других иное мнение.

Письма этого я не видел. Отец мне его не показывал. Поэтому не могу точно сказать, кто пожаловался на мой образ жизни – режиссер или кто-то другой. Но отцу представили так, будто я только и делаю, что водку пью да чужих жен соблазняю. Соблазняю! Это хуже, чем просто связь на стороне. «Соблазняю» означает, что только я один всему виной. Сын товарища Сталина.

Сгоряча отец никогда ничего не решал. И тем более не наказывал. Уверен, что он навел справки. Было у кого навести. Да и я сам не отрицал. Роман был. Выпить выпиваю, бывает. Виноват. «Себя позоришь, меня позоришь, фамилию позоришь», – сказал отец. Не только это сказал, но то были главные слова. «Виноват, – говорю, – кругом виноват. Готов искупить!»

А как офицер во время войны может искупить свою вину? Только кровью смыть. У отца не было другого выхода, как отправить меня на фронт. Он по моим глазам понял, о чем я думаю. Сказал: «Это не наказание, а поощрение получается, надо бы тебе еще десять суток гауптвахты дать, чтобы подумал о своем поведении. Нет, не десять, а пятнадцать!» То, что я к тому времени был полковником, меня от гауптвахты не спасло. Вот такие были у меня «привилегии», как у сына товарища Сталина. Я единственный полковник в Красной Армии, кото-

²⁵ Вероятно, речь идет о романе с Ниной Кармен, второй женой известного советского кинооператора (а не кинорежиссера, как пишет В. С.) Романа Кармена. Упоминание об этом встречается в некоторых воспоминаниях, в частности в книге Микояна С.А. «Мы – дети войны. Воспоминания военного летчика-испытателя». М.: Яуза, Эксмо, 2006: «...произошел скандал. Вася стал активно ухаживать за красавицей Ниной Кармен и как-то в отсутствие мужа и своей жены оставил ее у себя на даче на несколько дней. Узнав об этом, Кармен (как он мне сам в те же дни рассказал) написал письмо Сталину. Тот рассердился на Василия за это, но прежде всего за пьянки, и приказал снять его с должности начальника инспекции, посадить на десять суток на гауптвахту (тогда офицеров, тем более полковников, по уставу на гауптвахту не сажали), а затем отправить на фронт».

рый побывал на гауптвахте. Как положено отбыл срок, в Алешинских казармах²⁶, без поблажек. Думал, что после гауптвахты отец позовет меня и спросит, осознал ли я свои ошибки, но мы не встретились. Вручили мне приказ и стал я командовать хорошо знакомым мне 32-м гвардейским истребительным авиаполком, бывшим 434-м²⁷. Один из друзей пошутил, что мне повезло, мол, мог бы я получить за свои грехи 586-й истребительный женский²⁸. Я на это ответил, что мне это не грозит. Кто такому «бабнику» женский полк доверит? Слово «бабник» я намеренно беру в кавычки, поскольку таковым себя не считаю. Выпить люблю, есть такое, но по части женского пола не свирепствую. Этот ярлык ко мне приклеили совершенно незаслуженно. Мне-то что? Мне как с гуся вода. Я к слухам и сплетням отношусь спокойно. А вот жене Гале было обидно. Такого про меня насочиняют, что не знает, бедная, что и подумать. Я Галю очень любил, но из-за таких вот «сочинителей» нам пришлось расстаться. Под конец войны. Она сама так решила. Сказала, что так всем будет лучше. И мне, и ей, и детям. Не знаю, кому от этого на самом деле стало лучше? Мы расстались, но развода не оформили. Как будто надеялись на что-то. Любовь, может, и прошла, но не совсем. Что-то осталось. Что-то всегда остается. Если это настоящее чувство.

В феврале 1943 года я принял полк у своего товарища и тезки Васи Бабкова²⁹, получившего другой полк, тоже гвардейский. С Васей мы дружили, но после войны наши пути разошлись. Он остался в Германии, а я продолжал службу в Московском округе. Потом, когда меня арестовали, пути разошлись окончательно. И не только с ним одним. Я никого не осуждаю – жизнь. Жизнь сводит людей и разводит. Исключение – самые близкие. Тут счет иной и отношения иные.

---

²⁶ В Алешинских казармах (бывш. Крутицких) по адресу 1-й Крутицкий переулок, 4а, размещалась гауптвахта Московского гарнизона.

²⁷ Тем самым, которым одно время командовал упоминавшийся выше Иван Клещев.

²⁸ 586-й истребительный авиационный полк – женский истребительный авиационный полк в составе войск ПВО ВВС СССР во время Великой Отечественной войны. Был сформирован по приказу НКО СССР № 0099 от 08.10.41 «О сформировании женских авиационных полков ВВС Красной Армии». Чисто женским из-за высоких потерь полк перестал быть в 1942 году. Ликвидирован в ноябре 1945 г.

²⁹ Василий Петрович Бабков (1918–2001) – советский военачальник, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1942). Генерал-полковник авиации (1973).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.